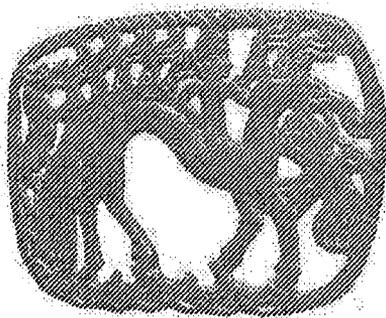

URÁLISZTIKAI TANULMÁNYOK 14.

PERMIEK, FINNEK, MAGYAROK

Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára

Szerkesztők:
Csepregi Márta és Várady Eszter

Technikai szerkesztő:
Gusztáv András

Budapest
2004

PERMIEK, FINNEK, MAGYAROK
URÁLISZTIKAI TANULMÁNYOK 14.

Készült a Finnugor Világkongresszus
Magyar Nemzeti Szervezete
támogatásával

© ELTE BTK FINNUGOR TANSZÉK

A borítón: Olaus Magnus Gothus „Carta Marina” (1539) – részlet
A belső címlapon: Képzeltbeli ló-szarvason ülő nő – komi bronzdíz
A képek EERO AUTO Kotkat, Hirvet , Karhut – Permiläistä pronssitaidetta
(Atena Kustannus Oy, Jyväskylä, 2000) c. könyvéből származnak

Sorozatszerkesztők:

Domokos Péter

Klima László

ISSN 0238-6747

ISBN 963 463 713 2

Nyomdai munkák:

Syled Expressz

Megrendelhető:

ELTE Finnugor Tanszék

H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/i

Ugyanott megrendelhető a bővített CD-változat is.

Современный облик удмуртской прозы: верность традиции и чувство нового

ТАТЬЯНА ЗАЙЦЕВА

Ижевск

Подводя итоги двух минувших литературных десятилетий, критики и литературоведы справедливо говорят о том, что девяностые годы XX века прошли в удмуртской литературе под знаком поиска новых эстетических категорий, динамичного обновления традиционных повествовательных средств и художественных приемов. Проза обратилась к сложным жанровым формам, чаще возникающим на пересечении вымысла с реальной действительностью. Новое художественное мышление обозначилось прежде всего в характере связи прошлого с настоящим, в осмыслении судьбы нации и человека в цепи истории. Писателей стали занимать такие общественные и личные драмы человека, за постижение которых, в основном из-за идеологических соображений, раньше они не брались. Традиционный удмуртский роман, опирающийся на опыт прежней советской жизни, очень не похожей на действительность девяностых годов, оказался не в состоянии передать новые человеческие переживания. Современность предстала в иных формах связи, и эти новые формы сочетаний разных явлений и событий потребовали от писателя других средств художественного выражения.

За последние двадцать-двадцать пять лет разительно изменился фон литературы. Из национальной прозы ушла «производственная» тематика, долгое время занимавшая центральное место в развитии ее крупных жанров и разрабатываемая преимущественно на деревенском материале. Изменилась общелитературная концепция личности. Художественный мир традиционного удмуртского романа, повести утверждал включенность человека в созидание и переделку истории совместно со своим народом, самоотдачу личности, ее классовую, социальную ориентированность. К примеру, Яков Бутаров – герой трилогии Г. Медведева *Лозинское поле* (1932, 1934, 1959); положительные персонажи романа-трилогии И. Гаврилова *В родных краях* (1958, 1959, 1963); «сквозная» социально-активная героиня повести С. Самсонова *Люблю тебя* (1965) и романа *Голуби с пути не сбиваются* (1979) Тоня Платонова и многие другие. В основе нынешних исканий литературы – поиски художественной концепции, разрешающей трудности бытия человека в лихорадочно

изменяющемся мире. Привычная коллизия поисков человеком места в жизни, четкого определения им своей позиции сменилась поисками самого себя, своего интимного мира в различных измерениях и возможностях бытия. Суть нынешних изменений национальной литературы во многом связана с ускоренным перерастанием традиционной удмуртской крестьянской культуры в сложную современную цивилизацию.

В перестроечный или переходный период удмуртская литература начала активно искать емкий художественный образ, способный передать неоднозначную авторскую мысль. Многие компоненты структуры образа пришли в движение, поменялись местами и ролями в художественном целом литературного произведения. Сочетание демократического облика героя с внутренней сложностью, раскрываемой в национальной характерности, новизна его социального содержания придали ему неповторимые, самобытные черты. Символами творческих открытий современной удмуртской прозы стали образы Кондрата из повести О. Четкарева *Сиз да голубь* (1989), Аверьяна из повести В. Самсонова *Рок*, (1989), странных людей («шузи-мази») из рассказов Л. Нянькиной. Следует отметить, что появление на страницах произведений наших авторов неординарных образов странных людей, так называемых «чудиков», вызвало в читательской среде особое оживление. Выход на авансцену национального литературного процесса 1980–90-х годов типа странного человека критика справедливо связывает с творчеством Л. Нянькиной. Но одновременно с ней и чуть раньше в этом же направлении писались рассказы Никвлада Самсонова (*Шиворот-навыворот*, 1977), В. Коткова (*Недомена*, 1986), В. Сергеева (*Неудавшийся*, 1984 и *Несостоявшийся Паримон*, 1993) и др. Особое место в портретном ряду чудаков занял пробный роман-болтовня С. Матвеева *Придурак* (1995).

Нечто исключительное и необыкновенное в характере странного героя, не приемлющее избитых правил и истасканных представлений, ломающее официальные понятия о норме и истине, явилось своеобразной формой постижения литературой более глубинных и долговечных социально-нравственных закономерностей. Литературным героем выступал человек самостоятельного отношения к жизни, руководствующийся в своих поступках народными нормами и правилами морали. Традиция изображения необычного или странного человека (чудак, дурачок, дурковатый, дурень и т.п.) глубоко укоренена в национальном фольклоре, достаточно вспомнить образ Лопшо Педуня, персонажей социально-бытовых сказок и т.д. Именно такой герой давал писателю возможность осваивать современный этап народного сознания в его традициях и перспективах, позволял вырабатывать разнообразные способы построения художественного произведения. Поиски удмуртской литературы 1990-х

годов, во многом обусловленные изменившейся социально-политической ситуацией в стране, были также предопределены и внутренними эстетическими закономерностями развития национального художественного слова.

В перестроечные годы в удмуртской литературе появилось немало произведений, обращенных к негативным сторонам советской действительности, воссоздающих «теневую» материал современности. Удмуртская литература взялась за темы, которые, казалось, ей навсегда заказаны. Данная проблематика отражена, в частности в книгах С. Самсонова *Тень*, Г. Перевощикова *Белая ворона*, П. Чернова *Песни молодости* и др. Тем не менее, эти произведения не стали поводом для разговора о серьезных изменениях в удмуртской прозе, о ее эстетическом и жанрово-стилевом обновлении. Тематическая привлекательность на деле оказалась большей частью лишь публицистической добавкой к обессилевшим формам традиционных жанров.

Сегодня отчетливо видно, что в литературе с середины девяностых годов произошла смена парадигм, на литературную арену вышло новое поколение писателей, которое принесло новое миропонимание и новое мироощущение, иное видение значения литературы. Сложился круг профессиональных удмуртских писателей, которые в девяностые годы (некоторые чуть раньше) прошли этап своего окончательного утверждения в национальной литературе и культуре. Это Никвлад Самсонов, О. Четкарев, В. Сергеев (Вячеслав Ар-Серги), П. Захаров, С. Матвеев, В. Котков, У. Бадретдинов, Л. Нянькина, Л. Малых, Р. Игнатьева и др. Девяностые годы стали временем развития различных литературных потоков и ветвей, на глазах происходила (и продолжает происходить) дифференциация национальной прозы. Не задаваясь целью дать полную картину движения постперестроечной удмуртской прозы во всей ее сложности и противоречивости, в рамках статьи есть смысл высказать лишь наиболее общие соображения о путях и тенденциях ее движения на рубеже веков и назвать некоторые писательские имена.

О значительных переменах ситуации в удмуртской прозе стало возможным говорить после появления в свет повестей П. Куликова *Золотая рыба*, О. Четкарева *Петля*, В. Самсонова *Рок*, Л. Нянькиной *Парабола*, сказок и легенд Л. Малых, рассказов В. Сергеева, романа-болтовни С. Матвеева *Придуток*. Именно эти произведения составили наиболее оспариваемое течение в современной удмуртской прозе, определяемое как литература «постмодернизма», «этнофутуризма», «нового реализма» и т.д. Отмечая ценность обращения наших ученых к опыту новых методологий анализа литературного произведения, нельзя не заметить и серьезные недостатки: представляя этнофутуризм как ведущую

тенденцию современной литературы и видя в этом чуть ли не единственную возможность прорыва удмуртской литературы в будущее, его сторонники слишком схематизируют живой литературный процесс. Зачастую термины и категории, разработанные применительно к другой культуре, механически прилагаются к произведениям удмуртских писателей, без учета их духовно-практического опыта, изначальной природы их творчества.

Как примечательное явление современной удмуртской прозы могут быть выделены произведения, отражающие поиски новых связей литературы с фольклором. Традиционные народные ценности предстают как духовные опоры, помогающие современному человеку выжить в ситуации хаоса. Усиливающееся внимание писателей к фольклору есть своеобразная реакция на стандартизацию культуры. Воздействие фольклора проявляется не только в связи с изображением деревни, пейзажа, национальных обычаев, верований, крестьянского мироощущения, но и в связи со стремлением писателей проникнуть в специфику народного жанра, структуры, приемов, средств. Писатели скрупулезно и тщательно пытаются обнажить в сознании и психике своих героев все то первичное и первородное, глубинное и потаенное, что современная наука называет мифологией. Мифотворческие тенденции отчетливее всего, пожалуй, воплотились в тексте повестей Никвлада Самсонова *Рок*, О. Четкарева *Сиз да голубь* и *Петля*, Ф. Пукрокова *Дочь звезды*, рассказов и сказок Л. Малых и В. Коткова, некоторых произведений В. Ар-Серги, У. Бадретдинова и др.

Возможности дальнейшего развития поэтики традиционной прозы явили повести П. Куликова *Расколота земля*, Г. Перевощикова *Щепка*, книги Е. Загребина, Р. Игнатъевой, В. Коткова и др. Эта линия прозы активно разрабатывает в современной удмуртской литературе принципы синтетического изображения действительности. Возрождая традиционный круг трудового повседневного обихода и существования удмурта, писатели усилили изобразительные функции предметно-вещного окружения героев и наполнили его социально-психологическим смыслом.

Интересная, достойная внимания ветвь нынешней удмуртской литературы – произведения мемуарно-биографического характера, которые пытаются вернуть основы бытия, восстановить разорванное историческое сознание. О многотрудных женских судьбах повествуют А. Конюхова в повести *Несчастливое счастье* и Г. Романова в повести *Моя высокая-высокая гора*. В толщу накопленного духовного опыта народа ведет читателя биографическая повесть У. Бадретдинова *Шординь*, названная в честь родной для автора деревенской улицы. Из этой прозы выделяется другая линия – это, в первую очередь проза диакона Михаила

Атаманова и, в особенности, его книга *Мой путь в Библию*. По своему расширяет и обогащает документальные авторские жанры в удмуртской литературе армейская проза Г. Грязева. Главное, что определяет произведения этого несомненно одаренного прозаика – достоверность факта. Тексты молодого писателя обретают в последнее время новое художественное качество путем прорыва от хроники событий к философии истории и современности.

Выдвижение мемуарно-биографической прозы отразило жанровую переориентацию современной удмуртской литературы, ее переключение с крупного панорамно-эпического романа на разработку малоформатного романа или повести с одним ведущим героем.

Особо популярными среди широкого круга читателей оказались произведения К. Ломагина, В. Агбаева, Н. Никифорова, А. Комарова. Эту линию современной удмуртской прозы можно назвать массовой литературой детективного характера. Не смотря на художественную низкопробность текстов, читатель находит в них простые и ясные жизненные ориентиры, видит борьбу добра с обманом, злом и насилием.

Говорить о привычной смене литературных стилей, жанров, в современной литературе практически невозможно, поскольку один и тот же писатель в разных произведениях может предстать то как реалист, то как метафорист, то как фантаст. Данное обстоятельство, в частности, подтверждают литературные сказки Л. Малых и В. Коткова, фантастика О. Четкарева и У. Бадретдинова, приближенный к жанру повести рассказ в письмах А. Перевозчикова и подростковая проза Р. Игнатьевой, художественное эссе В. Владыкина и литературно-критическая проза А. Шкляева и т.д. Девяностые годы дали возможность литературе совершить «эстетический скачок», проявиться накопившимся за долгие годы разнообразным формам художественной изобразительности.

Будут ли эти возможности реализованы удмуртской литературой в дальнейшем, зависит от многих обстоятельств. Общеизвестно, что в настоящее время, в связи с противоречивостью воздействия процессов глобализации на культуры малых народов, актуальной является проблема сохранения удмуртской литературой своего лица и самобытного характера.